

БОРИС АКУНИН

КАК НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ

Когда полтора года назад на прилавках появился роман Бориса Акунина «Азazel», никто толком и не заинтересовался предупредительной фразой на обложке «Б.Акунин — это псевдоним». Не до того было. Впервые, кажется, «читающая публика», не стесняясь, поглощала детектив. Акунин был явно не похож не только на коллег по «цеху мягких обложек», но и на вполне достойных предшественников. Отличный русский язык, редкая для писателя эрудированность, причем не только в традиционной культуре (уже в первом романе выяснилось, например, что Акунин — поклонник фильмов о Бонде), уникальная работоспособность (пять романов за год) без явных потерь качества, наконец.

Когда минувшей осенью псевдоним был наконец раскрыт, никто не удивился. 43-летний культуролог, переводчик-японист и зам главного редактора «Иностранной литературы» Григорий Чхартишвили на роль Акунина годился едва ли не больше, чем кто бы то ни было. Несколько лет назад его имя гремело (если можно греметь в обществе, состоящем максимум из сотни человек) в связи с блистательными переводами Юкио Мисимы, затем — в связи с книгой «Писатель и самоубийство». Как с умилением отметили фанаты, Чхартишвили идеально воплощал редкий у нас западный тип писателя: днем — преподавание в университете (или какая-нибудь еще полезная служба), вечерами — сочинение шедевров.

Когда говорят об Акунине, непременно делают акцент на связи его детективов с классической русской литературой, на то, что «Приключения сыщика Эраста Петровича Фандорина» суть сама литература. Но детективными коллизиями местного читателя не удивишь — у нас вообще романист номер один про убийство старухи писал. Главное, пожалуй, в другом: Акунин сочинил принципиально нового героя. Жгучий коктейль из Холмса, агента 007 и Ставровина. Пример для подражания юношеству. Редкий на отечественных просторах человек действия, отягощенный при этом моральной разборчивостью: патриот, консерватор и контрреволюционер. Такие персонажи имеются во всех уважающих себя национальных детективах — неважно, что кое-где это старый комиссар с трубкой в зубах, а где-то — супермен с лицензией на убийство. Теперь и в России.

Алексей КОРОЛЕВ

МК Бульвар — 2000. — 6-12 марта. — с. 42-44

Дмитрий ТКАЧЕВ

— Пока вы скрывались за псевдонимом Б.Акунин, иные поклонники строили версии, иные загадочно улыбались и хранили тайну. Была интрига. Кто такой Б.Акунин теперь, когда объявлено, что романы про Эраста Петровича Фандорина пишете вы, Григорий Чхартишвили?

— Борис Акунин — это белетрист. Это человек, сочиняющий развлекательные тексты. Мне всегда казалось, что любой человек, любой, какого ни возьми, — это не один человек, а несколько. Можно назвать это масками, можно назвать это гранями — как угодно. Поэтому ничего тут прин-

ципально нового нет. Более того, я и по себе знаю: я могу быть Григорием Чхартишвили, я могу быть Борисом Акуниным, я могу быть кем-то еще...

Что касается интриги: интрига меня не очень радовала, пока она существовала. Я придумал псевдоним вовсе не для того, чтобы кого-то мистифицировать, и не для того, чтобы создавать какую-то дымовую завесу. Во-первых, я работаю в серьезном литературном журнале, и быть детективщиком как-то не вполне прилично в этом качестве. Во всяком случае, до тех пор, пока эта литература не стала достаточно популярной; а победителей не... обсуждают. Это одно.

Второе: как раз когда я начал писать первый детектив, я работал над

очень серьезной для меня литературоведческой книгой «Писатель и самоубийство», и мне ну очень не хотелось, чтобы ее воспринимали как сочинение детективщика. Тогда в ней искали бы совсем другое — развлечение, а в ней, поверьте, никакого развлечения нет. Вот когда эта книга благополучно вышла, мой псевдоним стал мне не нужен, и я с легкостью и с удовольствием с ним расстался.

— Григорий Чхартишвили не боится, что Борис Акунин его затмит, не оставит ему места?

— Ну, во-первых, что касается литератора Григория Чхартишвили, то Акунин его давно вытеснил. Потому что моя книжка «Писатель и самоубий-

ство» вышла тиражом 4000 экземпляров; Акунин продает, как вы понимаете, гораздо большие тиражи. Но это нормально... Может произойти другое: мне игра в Бориса Акунина может надоесть самому. И тогда я ее прекращу, но придумаю что-нибудь иное.

— От романа к роману трансформируется не только стилистика. Ваш герой тоже подвержен переменам. Он для вас, во всяком случае, предсказуем? Его будущее уже заложено в проекте?

— И да, и нет. С одной стороны, весь цикл про Эраста Фандорина — он у меня в голове сидит, он придуман: я знаю, сколько лет прожил Фандорин, что с ним должно произойти, что будет в каждом романе, как он будет